

УДК 821.161.3-2.09:1(091)(476)

Франциск Скорина: личность белорусского просветителя в драматургии

Авдони́на Т. В.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

В статье анализируются особенности драматургических произведений, посвященных личности Франциска Скорины. Впервые к теме просветительской деятельности Скорины драматурги обратились в первой четверти XX века и особенно интенсивно разрабатывали ее на исходе минувшего столетия. Сделан акцент на четырех пьесах: проведен краткий анализ некоторых особенностей драмы «Прарок для Айчыны» Алеся Петрашкевича, драмы Георгия Марчука «Кракаўскі студэнт», комедийного триллера Андрея Курейчика «Скорина» и наиболее подробно рассмотрена драма-микс Ивана Штейнера «Мудрости зачало и конец...», або Спакушэнне Скарыны». Такой избирательный подход связан с тем, что все произведения, так или иначе касающиеся личности Скорины, уже анализировались многими литературоведами, в то время как пьеса Ивана Штейнера – это еще малоизученное произведение, написанное в совершенно новой технике, отличающееся неординарной подачей текстового материала. По этой причине была сделана рубрикация, соответствующая основным пунктам анализа драматургического произведения, что, вероятно, должно помочь исследователям драматургии, и в частности преподавателям литературы, понять идею данного произведения. Выбор пьес А. Петрашкевича, А. Курейчика и Г. Марчука обусловлен тем, что по неоднозначности содержательной линии, а также по разнородности модусов художественности (пафоса) именно они наиболее близки концептуальному строю пьесы И. Штейнера.

Ключевые слова: просветитель, анализ, драматург, драматургия, модерн, постмодерн, архитектоника, литературная интерпретация, реминисценция, интертекстуальность, гипертекстуальность, пастиш, гротеск, персонаж.

(Искусство и культура. — 2014. — № 1(13). — С. 69-80)

Francisk Skorina: Personality of the Belarusian Enlightener in Drama

Avdonina T. V.

Educational establishment «Gomel State Fr. Skorina University», Gomel

The paper presents the analysis of the peculiarity of drama works that were dedicated to Francisk Skorina. For the first time the theme of Skorina's educational activities had a great appeal for playwrights in the first quarter of the twentieth century and was developed most intensively at the end of the past century. The paper makes an emphasis on four plays: brief analysis of some features of the drama «Prophet for Motherland» by Ales Petrashkevich, drama «The Student of Krakow» by G. Marchuk, comedy thriller «Skorina» by A. Kureychik, deliberate analysis of the drama-mix «'The Beginning and the End of Wisdom...» or The Temptation of Skorina» by I. Steiner. Such a selective approach stems from the fact that all the works, one way or another related to Skorina personality, have already been analyzed by many literary critics, while the play of Ivan Steiner's is still insufficiently studied composition written in a completely new technique, wherein an extraordinary portrayal of text material is a distinguishing feature. For this reason, categorization was made, corresponding the analysis of the main points of the dramatic work that should probably help drama researchers, and in particular teachers of literature, to understand the idea of the work. A selection of plays by A. Petrashkevich, A. Kureichik and G. Marchuk is due to the ambiguity of the content line, as well as the diversity of artistry modes (pathos), thus they are the closest to a conceptual harmony of I. Steiner's play.

Key words: enlightener, analysis, dramatist, drama, Art Nouveau, post-modernism, architectonics, interpretation, reminiscence, intertextuality, hypertextuality, pastiche, grotesque, character.

(Art and Culture. — 2014. — № 1(13). — P. 69-80)

Отечественная Скориниана недавно пополнилась новым произведением – пьесой Ивана Федоровича Штейнера «Мудрости зачало и конецъ...», або Спакушэнне Скарыны». Впервые к теме просветительской деятельности Франциска Скорины драматурги обратились в первой четверти XX века и особенно интенсивно разрабатывали ее на исходе минувшего столетия. Следует отметить, что современные белорусские драматурги тесно связывают свои творческие интенции с историческими событиями, происходившими на славянских землях в прошлом. Так, в конце XX – начале XXI в. появились произведения о Ефросинье Полоцкой, Рогнеде, Барбаре Радзивилл и других известных исторических личностях Беларуси. Но наиболее освоено в современной драматургии образ известного деятеля эпохи Возрождения Франциска Скорины, которого чтут и в Беларуси, и в Чехии, и в Литве – странах, где он оставил приметный след. К сожалению, современники Скорины не сумели (или не пожелали) понять и достойно оценить его реальный вклад в развитие восточнославянского просвещения.

О Скорине в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона приводятся такие сведения: «Скорина, Франциск (Георгий). Ученый первой половины XVI века, уроженец Полоцка, медик, типограф в Праге и Вильне и переводчик Библии на русский язык, положил начало литературному языку юго-западной Руси. Издания Скорины предназначались для православных» [1, с. 484–485]. Как видим, отметить значение деятельности Франциска Скорины для восточнославянских народов известные энциклопедисты посчитали ненужным, а возможно, на момент составления Энциклопедии (начало XX века) биографических сведений о Скорине было чрезвычайно мало. Любой образованный человек еще лет 20–30 назад на вопрос о первом восточнославянском книгопечатнике назвал бы имя Ивана Федорова и напечатанную им в 1563–1565 гг. книгу «Апостол». А ведь Скорина на полвека (!) раньше, чем Иван Федоров, напечатал свою первую книгу – она была издана в Праге 6 августа 1517 года и называлась «Псалтырь».

Имя Скорины было предано забвению не на годы – на века, и, вероятно, поэтому,

несмотря на интенсивные исследования скориноведов, в биографии Скорины много неясностей: неизвестны точные даты рождения и смерти Скорины, нет однозначного ответа на вопрос о его вероисповедании. Некоторые годы жизни вообще выпали из поля зрения историков: неизвестно, например, где находился и чем занимался Скорина на протяжении шести лет после окончания Краковского Ягеллонского университета и получения степени бакалавра в 1506 г. и до защиты научной степени доктора медицины в Падуанском университете в 1512 г. Но уже не вызывают сомнения факты, что Франциск Скорина родился в Полоцке, что он переводил Библию и печатал ее на старобелорусском (во времена Скорины это был государственный язык Великого княжества Литовского) и церковнославянском языках, а богатые иллюстрации, гравюры, заставки, красочность изданий и по сей день поражают и удивляют как специалистов, так и обычных граждан. Смысловая нагрузка цветкового художественного оформления Библии демонстрировала принадлежность Ф. Скорины не к западноевропейскому Ренессансу, идущему от Греко-римской античности, а к славянскому Возрождению, которое восходило к дохристианскому языческому прошлому белорусов [2, с. 287]. Кроме того, по кругозору, знанию нескольких языков, свободомыслию, гуманизму и патриотизму, Ф. Скорину можно поставить в один ряд с такими выдающимися деятелями эпохи европейского Возрождения, как Данте, Микеланджело, да Винчи, а также Фиолем, который первым издал книги на кириллице в 1491 году.

О Франциске Скорине – выдающемся человеке, который трудно жил, глубоко страдал и так много ценного оставил после себя, – написано немало художественных произведений и научно-исследовательских работ. Но большинству рядовых читателей известно не много, и это привлекает творческих людей к написанию произведений, которые расширили бы представления о личности просветителя.

Драму Михайло Громыки «Скоринин сын из Полоцка» (1926), рукопись которой, к сожалению, не сохранилась, принято считать исходным пунктом драматургической Скоринианы. Пьеса была поставлена на сцене

БГТ имени М. Горького, но она получилась не очень удачной, «неконкурентноспособной», традиционной по форме [3, с. 95] и вскоре была снята с репертуара в том числе и по той причине, что «некоторые деятели» усомнились в прогрессивности просветительской деятельности великого гуманиста, потому без лишних хлопот обвинили его в клерикализме, поповщине и чуть ли не в мракобесии [3, с. 113]. Вообще в начале 20-х гг. минувшего столетия, когда были провозглашены требования к советской драме, авторы стали писать об исторических личностях – так было безопаснее в политическом отношении; но именно поэтому основная задача – создание на сцене образа национального героя, необходимого и театру и литературе, – не была решена: революционная романтика и социально-политическая атмосфера 20-х гг. никак не сочетались с образами исторического плана.

Среди известных произведений, посвященных Скорине, можно выделить драматическую поэму-трилогию «Георгій Скарына» (1946, 1947, 1955 гг.) М. Климковича, поэму-«фреску» «Судны дзень Скарыны» Н. Арочки, бурлескную пьесу «Vita brevis, або Нагавіцы святога Георгія» М. Адамчика и Н. Климковича, диалогию «Напісанае застаецца» (1978 г.) и «Прарок для Айчыны» (1990 г.) А. Петрашкевича и др. Мы остановимся лишь на четырех пьесах и рассмотрим некоторые особенности драмы «Прарок для Айчыны» (1990 г.) Алеся Петрашкевича, драмы Георгия Марчука «Кракаўскі студэнт» (1980 г.), комедийного триллера Андрея Курейчика «Скорина» (2005 г.) и драмы-микс Ивана Штейнера «Мудрости зачало и koniecъ...», або Спакушэнне Скарыны» (2012 г.).

Цель статьи – выявление многогранности образа Франциска Скорины в современной белорусской драматургии.

Ф. Скорина был человеком разносторонне талантливым, обладал энциклопедическими знаниями, отличался широтой демократических взглядов. По дошедшим до нас биографическим сведениям можно предполагать, что жизнь Скорины была богатой на события – социокультурные, религиозные, политические. Были в ней яркие страницы творческих побед и череда неудач, вызванных непониманием или завистью. Много

неясностей оставляет его личная жизнь, и это способствует возникновению разного рода художественных домыслов. Более пятидесяти произведений посвящено белорусскому просветителю, и каждый автор представил свое видение Скорины как творческой личности, попытался воссоздать его портрет как человека эпохи, заглянуть с помощью собственного воображения в сокровенные уголки его души. Конечно, литературное творчество – это не то же самое, что историография: искусство имеет право на некоторые неточности ради художественной цели – заинтересовать читателя отечественной историей, вызвать у него желание исследовать малоизвестное. Чтобы показать генетическое родство и преемственность изображения личности белорусского просветителя в отечественной Скориниане, был проведен краткий анализ указанных выше пьес А. Петрашкевича, Г. Марчука, А. Курейчика и более подробно рассмотрена драма И. Штейнера.

Алесь Петрашкевич. «Прарок для Айчыны». Написать художественное произведение, в котором главным персонажем был бы деятель, оставивший значительный след в истории страны, – дело ответственное, требующее от автора глубоких знаний об этой личности в контексте той эпохи, к которой принадлежит прототип произведения. Такими личностными качествами пользовался Алесь Петрашкевич в работе над пьесой «Прарок для Айчыны» [4], поэтому в качестве названия пьесы был избран не сам античный афоризм «Нет Пророка в своем Отечестве», содержащий отрицание, а перефразированное утверждение о том, что действительно есть люди бескорыстные, которые своей деятельностью, личным примером делают все возможное для родной земли.

А. Петрашкевич использовал проверенный историками факт: 119 дней провел Скорина в тюрьме Познани по обвинению в мошенничестве. Среди персонажей драмы – исторические личности: король Польши и ВКЛ Сигизмунд I Старый, королева Бона Сфорца, племянник Скорины Роман, епископ Виленский Ян, князь Константин Иванович Острожский и др. Раскрытию характера главного героя помогают не только диалоги Скорины с Караульным, тоже полочанином, и не только события, разворачива-

ющиеся за решеткой тюрьмы. В пьесе идет настоящая борьба интересов: столкновение с персонажами, цели жизни которых противопоставлены стремлениям главного героя; заговор Боны Сфорцы и Человека в черном против Скорины; беседы канцлера Гаштольда и короля Сигизмунда I Старого о политической обстановке в Европе и роли Скорины в исторических событиях. Ретроспекция событий, которую автор назвал «Из воспоминаний Скорины», позволяет узнать о взаимоотношениях Скорины с братом Иваном, гетманом ВКЛ Константином Острожским, бурмистром Якубом Бабишем. Все они в той или иной мере помогали Скорине в «деле мирном, книжном просветительском и святом», хотя сами к этому «делу» относились по-разному: одни сомневались; другие помогали, оказывая безусловную материальную, моральную, политическую поддержку, потому что верили в него, в его дело, направленное против «зависти, ярости и ненависти», за «согласие, общность, дружелюбие».

В пьесе «Пророк для Айчыны» Скорина показан волевым, принципиальным, политически независимым. Стараясь находиться за пределами политики, он понимает, что без поддержки светлейших особ ему не достичь своей цели. Кроме того, в пьесе показаны деяния Скорины на пользу Отечеству и всему населению, будь то шляхта или простой «люди посполитый»: открытие «скориновой школы» под Городней, поиски талантливых шляхетских и купеческих сыновей для отправки их на учебу в западноевропейские университеты. Для своего времени он сражался за невозможное, недостижимое. Неслучайно Бона Сфорца называет его «мечтателем», с чем, кстати, Франциск соглашается: «Да, мечтатель, и мой девиз – одинаковая свобода всем. Общее богатство для всех <...> я дитя своей эпохи, что носит имя Возрождение. И быть вольнодумцем не только мое призвание, но и моя обязанность перед Отечеством...».

Скорина призывает бороться с предательством, лживостью, взяточничеством; он ратует за одинаковые права для всего многослойного населения ВКЛ: «Доносы и поклепы уничтожают людей не хуже, чем войны, моры и татарский плен», – считает герой и принципиально, настойчиво включается в дискуссию по окончательному ва-

рианту текста Статута, предлагает разделы об объединении всех земель в составе государства, «о защите земской», «о вольностях шляхты» и особенно – о «единстве права и приоритета писаного права перед правом моральным».

Особое место в пьесе А. Петрашкевича занимает призыв Скорины к уважению белорусского языка, установлению его равноправного положения наряду с другими европейскими языками: герой упорно выступает против полонизации и окатоличивания населения Великого княжества Литовского; отказывается прекратить печатание книг на белорусском языке, несмотря на соответствующий приказ короля, который считал их «еретическими»; обязуется издать Статут, полагая, что это главное дело его жизни перед людьми и Отечеством. Белорусский язык Скорина соотносит с такими понятиями, как государство и государственность: потеря языка (его упадок) в государстве равнозначен потере жизни.

«Так есть ли пророк в своем Отечестве?» – спрашивает автор, имея в виду то, что талантливый людям иногда нелегко пробиться к своей цели. Это удается только тем, кто работает для своей Родины, для своего народа. Франциск Скорина своими делами доказал, что он опередил свое время на несколько десятков, а может, и сотен лет.

Георгий Марчук. «Кракаўскі студэнт». В отличие от Алеся Петрашкевича, который при написании пьесы «Пророк для Отечества» опирался на биографические, хоть и скудные, сведения о Скорине и исторически подтвержденные факты, Георгий Марчук в пьесе «Кракаўскі студэнт» [5] обратился к наименее известному периоду в жизни Скорины – полоцкому, и предложил свое видение событий, относящихся к юности просветителя (до его отъезда на учебу в Краковский университет) и жизни в Полоцке в 1503–1504 гг.

Упомянутые в пьесе исторические события непосредственно связаны с фабулой: война Московского государства с ВКЛ за «вотчину», женитьба великого князя Александра, сына Казимира Ягайловича, на дочке Ивана III – Елене. Кроме того, Г. Марчук показал противостояние полоцкого купечества, на то время имевшего привилегии Магдебургского права, и местного боярства,

которому потворствовали воеводы и великий князь, а также нарастающую в Полоцке борьбу между сторонниками православной и католической веры. Вот те исторические события, на фоне которых разворачивается основной конфликт пьесы «Кракаўскі студэнт».

Пребывание Георгия в Полоцке, в монастырях которого сохранялись и переписывались книги, безусловно, не могло не повлиять на становление характера и мировоззрения 17-летнего человека. Будущий просветитель хорошо знал свой город, его устройство, быт; это в Полоцке Скорина проникся идеями равенства, толерантного отношения к различным конфессиям, а родным знаком в художественном оформлении книг великого белорусского первопечатника стали, возможно, цветы и травы, рыбы и звери его родной Полотчины [2, с. 265].

Исходным пунктом понимания Георгием своего места в жизни является рассказ монаха-бернардинца Антония о святом Франтишке из Ассизии, судьба которого очень напоминает судьбу самого Георгия. Проповедник и религиозный реформатор рубежа XII–XIII вв., святой Франтишек Ассизский положил начало так называемым нищенским орденам, члены которых кроме обета бедности давали клятву придерживаться абсолютной нищеты, не иметь ни жилища, ни одежды (кроме рясы), ни обуви; не дотрагиваться до денег и жить в путешествиях, милостыней добывая себе еду. Для святого Франтишка такая жизнь была перениманием евангельской бедности Христа и Его апостолов и означала абсолютную свободу: если у человека нет ни семьи, ни дома, ни недвижимости, ему ни о чем, кроме Бога, думать не нужно.

С помощью споров и диалогов Г. Марчук позволил читателю увидеть в личности Скорины настоящего христианина по вере и морали, «перакананага ў тым, што і ў зямным жыцці можа быць дасягнута гармонія існавання, калі кожны чалавек, ад прасталюдзіна да караля, будзе кіравацца Божымі заветамі» [6, с. 54].

Официальной церкви было выгодно, чтобы простые люди не Слово Божье понимали, а больше подчинялись властям и церковникам; не столько придерживались в повседневной жизни нравственных христианских законов, сколько слепо исполняли церковные обряды, исправно приносили

пожертвования в храмы. И католические, и православные церковники противились переводам Библии на доступные народу родные языки, оберегая Книгу Книг от понимания ее содержания. Так, в XVI в. кардинал Гезий писал, что «позволять народу читать Библию – значит давать святыню псам и сыпать бисер перед свиньями», а папа Григорий XIV в XIX в. назвал чтение Библии мирянами величайшим преступлением, которое должно караться смертью. В начале XIX в. митрополит Амвросий осуждал перевод Библии со старославянского языка на современный русский и утверждал, что «мистическое положение Библии, т. е. непонятность языка ее, есть необходимейшее для народа <...> который под видом откровения нужно держать в неведении», иначе, как писал в 1857 г. киевский митрополит Филарет, «весь православный народ перестанет посещать храмы».

Православные священники, правда, и сейчас считают литургии по-церковнославянски. Кто понимал язык Библии на латыни во времена Франциска Скорины? Священники и образованные люди, но не простой народ. Что может дать прихожанам такое христианское учение? Возможность почувствовать величие, богатство и красоту того, что представляет собой понятие «религия». И не более. Скорина знал, что именно в Евангелии содержится «дасканалы розум, ісціна, якую трэба несці да людзей і дзяліцца з імі», потому что «Богу ўгодны вера і добрыя справы». Но чтобы вера была осмысленной, нужно изучать и понимать Священное Писание, поскольку вера, как известно, от слышания, слышание – от знания, а знание – от изучения. А как же изучать, если не только старославянского или латинского языка не знаешь, но и родной мове не обучен?! Георгий Скорина верил, что «на нешта святое чалавек нараджаецца... Толькі ён спіць... ён, бывае, у Бога веруе і не разумее сутнасці Бога».

Там, в Кракове и Падуе, «падарожнік з горада асветніцы Еўфрасінні канчаткова ўмацаваўся ў рашэнні: ён дасць свайму народу магутную духоўную зброю – друкаваную кнігу на зразумелай мове» [7, с. 170]. За это и потерпел жесточайшие гонения от церкви, считавшей «злачынствам» <...> сам яе пераклад дзеля таго, каб гэтую натхненную Богам кнігу мудрасці мелі магчымасць чытаць усе» [2, с. 173].

Несмотря на то, что Георгий «православного рода», он получил от католического священника Антония разрешение посещать Софийский собор и знакомиться с летописными книгами. В них Георгий Скорина искал ответы на вопросы государственной и духовной важности: о мироустройстве, о взаимоотношениях Бога и человека; интересовался, что писали великие историки и духовные подвижники о межличностных отношениях с точки зрения нравственности: можно ли, например, желать зла человеку, которого ненавидишь, и проч. «*Крочыць на жыцці з любоўю да бліжняга*» – такой путь выбрал для себя Георгий. Своим стремлением к знаниям, познанию мира он противопоставлен в пьесе брату Ивану, для которого счастье – *пива немецкого выпить, селедочкой закутить*, а в перспективе – купить дом в Вильно, иметь «*каліту, поўную грошай*». Простейшие мелочные интересы старшего брата, его мысли о том, что люди, не умея читать, живут и не помирают, не находят одобрения у Георгия. Человек, по его мнению, должен уметь читать, чтобы быть «*добрейшим и мудрейшим*», тогда будут уничтожены пьянство и зависть – это предназначение человека, ради этого дана человеку жизнь.

Так, в пьесе «Кракаўскі студэнт» с личностью Георгия тесно переплетена тема книги как наиценнейшего предмета в жизни человека. Если в начале пьесы это преимущественно книги, посвященные «божеским писаниям», то в конце произведения целеустремленный юноша увлекается книгами Георгия Амартола, Иоанна Златоуста, Аристотеля.

Жажда знаний заставляет Георгия отказаться от купеческого дела своего отца, который мечтал, что Георгий, как и старший сын, Иван, продолжит «*доброе купеческое имя*», на становление которого было затрачено немало лет и средств. Для достижения своей цели Георгий идет на духовный компромисс: он из православия переходит в лоно католической церкви, хорошо понимая, что этот шаг поможет ему продолжить образование в Краковском университете. Следует отметить, что это решение Георгий принимает не для того, чтобы противопоставить постулаты православной и католической церквей – своим поведением он доказывает, что это шаг вынужденный: во многих университетах Европы получить

хорошее образование могли только сторонники католического вероисповедания. Георгий стремится сохранить паритет между сторонниками разной веры.

Перед отъездом Георгия в Европу противоречивые чувства буквально раздирают Луку на части: его мечты о том, что младший сын «*будет опорой*», «*дела дальше двигать*», не оправдались, и он упрекает себя за то, что дал согласие на перекрещение Георгия. В финале пьесы пути Георгия с родными и близкими людьми расходятся, и только, пожалуй, Мария, бывшая возлюбленная Георгия, верит в его счастливую звезду: «*У цябе іншая зорка і шляхі. Ты будзеш знакамітым, але мала дзе шчаслівым*».

Андрей Курейчик. «Скорина». Трудно назвать причину, по которой молодой, но уже известный драматург (известный более российской киноиндустрии, чем театральной публике Беларуси) Андрей Курейчик обратился к образу белорусского философа, просветителя и книгопечатника.

Помещенная на личном сайте автора в 2005 году пьеса «Скорина» [8] скорее всего не претендует на право именоваться шедевром. Возможно, А. Курейчик задумал слегка поэпатировать публику и с этой целью решил «проехаться» по некоторым событиям из всемирной истории («Пьемонтский зверь»), библейским сюжетам («Потерянный рай», «Понтий Пилат») да «захватить» читателя пикантной интерпретацией сведений из биографии Скорины, переключив их на свой вкус и современный лад, добавив при этом несколько расхожих клише, опускающих драматизм реальных событий до фарсовой интриги, не брезгующей разговорной речью и даже банальной нецензурщиной.

В пьесе А. Курейчика Скорина показан грубым, капризным, циничным и даже жестоким человеком, который больше думает о своем здоровье и на протяжении всей пьесы истерично просит обычной ключевой воды (кстати, этот символ автором так и не был раскрыт, и непонятно, то ли герой все время хочет пить по болезни живота, или с похмелья, а может быть, он желал освобождения от гнетущих его обстоятельств внешнего и душевного мира?). В своей жизни он не раз обжегся в любви (увлечение натурщицей Джульеттой во Флоренции), его преследовали неудачи в семейной жиз-

ни (возлюбленная Марта не дождалась его и наложила на себя руки) и в предпринимательской деятельности – печатании и распространении книг в Вильно («наехали» этикие «братки» эпохи Возрождения, разбили гранки статей, сделали инвалидом Милоша – друга и помощника Скорины). И даже последние годы жизни Скорины были беспокойными: его услуги, советы как лекаря при королевском дворе оказываются скорее вредными, чем полезными.

Центром, главной сюжетной линией пьесы является удивительная работоспособность Скорины, его необузданное желание просветительства для соотечественников-простолюдинов. Это – дело всей его жизни, и в конце своего земного пути он, несмотря на смертельную болезнь, продолжает напряженно работать: делает переводы на родной язык под «заказ», пишет «статейки, прадмовы», которые никому не нужны. Забвение злит его: никто его не читает, но он упорно творит для потомков. Правда, его еще помнят при королевском дворе: в почете его трудолюбие и упорство, но там ждут от него не целебных отваров, а «эликсиров жизни».

Не в научных изысканиях, не в плотской любви, а в книгопечатании Скорина нашел свое место в жизни. Скорина полностью погружается в работу: в Праге он нанимает «толковых ребят, грамотных», «столяров хороших и кузнецов», ищет деньги, «чтобы все это оплатить», его не останавливают обвинения в богохульстве, коим считалось переписывание Библии, а также распространение ее при помощи пресса.

Кульминацией пьесы А. Курейчика можно считать отъезд Скорины в Вильно. С воодушевлением Скорина воспринял предложение открыть там типографию и издавать книги. Ради работы на Родине он готов бросить жизнь в Праге среди единомышленников, жизнь, где «только-только все наладилось. Деньжата завелись, сарай отремонтировали». Скорина счастлив вернуться в Литву, счастлив быть полезным своим землякам. Для него Родина – прекраснейшее, почти райское место на земле, страна его детства.

С к о р и н а. Это литвинские книги. Их надо печатать в Литве. Я вам покажу красивейшие города на земле: Вильно, Полоцк, Менск... Там настоящие деньги, слава, почет... Там – не здесь!

В финале пьесы Скорины – одинокий, ворчливый старик, который помнит обиду, нанесенную ему на Родине, и не желает служить ни прежним, ни новым хозяевам литвинской земли, за что и был предан забвению:

П о д в и ц к и й. Загибайтесь здесь. И знайте, что для страны вы останетесь очередным мелким жуликом, хапугой, предателем, которого запомнят только за взятки, воровство и льстивые статейки. А все ваши книги мы найдем и уничтожим. Все до единой...

О старом и больном Франциске Скорине все же вспомнили на Родине, но не за его прежние заслуги, а для того, чтобы вовлечь его в некую политическую игру. Именно эти события и были положены автором в основу пьесы.

Пьесы Алеся Петрашкевича, Георгия Марчука и Андрея Курейчика уже рассматривались литературоведами, в том числе и автором данной статьи, поэтому более подробно остановимся на совершенно новом драматургическом произведении, автор которого – Иван Штейнер.

Иван Штейнер. «Мудрости зачало и конецъ...»; або Спакушэнне Скарыны». Драма Ивана Штейнера «Мудрости зачало и конецъ...»; або Спакушэнне Скарыны» [9] – это литературная интерпретация классического образа Скорины, имя и дела которого в европейской научной и философской мысли всегда воспринимались неоднозначно. Биографическим сведениям о Скорине придается надвременной характер. Автор пьесы использовал прием реминисценции: исторические личности разных эпох, упоминания и ссылки на деятельность Ф. Скорины в литературно-исторических трудах и др.

Тема произведения. Тему произведения и цель-сверхзадачу драматурга можно определить как попытку объединить уже имеющиеся сведения о Скорине: уточнить его биографию, установить границы влияния личности белорусского просветителя на исторический процесс, показать круг взаимодействия Скорины и его европейских современников. Для этого и создается деловой антураж в современных ритмах – сам Скорина желает организовать акционерное общество «Skaryna & K°», цель которого – «працягнуць работу ў напісанні

творчай біяграфіі і далейшай распрацоўцы іміджу» Скорины, «выпрацаваць генеральную лінію» изучения его деятельности. Это и есть **экспозиция** пьесы.

Особенности стиля пьесы. Интертекст, эклектизм, гипертекстуальность – особенности, характерные для стиля постмодерна. Постмодернистская манера письма отражает мировоззренческую, философскую ориентацию драматурга и выражается на композиционном, лексическом, синтаксическом уровнях. Содержательное наполнение пьесы выходит за рамки текста в сферу акции (создание акционерного общества) – театрализованного представления, обыгрывания, что выводит пьесу за границы известных жанров, создавая собственно концептуальное произведение. Как концептуалист, автор «переводит» читателя/зрителя из одной пространственно-временной реальности в другую и обратно. Стилиевой эклектизм пьесы, выполненной в технике бриколажа (бриколаж – комбинирование разнородных элементов), «порожден соединением несоединимого <...>, что является следствием размыкания структуры, разрушения границ, деиерархизации иерархизированного» [10, с. 54].

Определение жанра пьесы. Пьесу Ивана Штейнера невозможно отнести к какому-либо из известных литературных жанров (хотя сам автор определил ее жанр как драму). В экспозиционном диалоге Скорины и Секретарши явно проступает комедийный характер, и кажется, что это будет комедия. Но далее действие уходит в область такого сценического жанра, как капустник (сценическое действие в честь юбиляра) с концертными номерами: старинными песнями и мелодиями, анекдотами, конферансом.

Ярко выраженная дидактичность текстового материала дает основание рассматривать пьесу как театрализованную лекцию (современные образовательные технологии теперь все настойчивее требуют развития инновационных форм и методов проведения занятий: видеоряд и зрелищность – вот чего хочет современный студент!) или воспринимать ее как попытку создать совершенно новый жанр, в котором могут сосуществовать элементы многих литературных и концертно-театральных форм.

Можно убедиться в том, что жанровая разновидность пьесы Ивана Штейнера выходит за пределы устоявшихся жанровых форм и даже за пределы только литературы: пьеса балансирует на границе литературы и таких эстетических систем и областей знания, как философия, культурология, религиоведение, искусствоведение, исторические науки. Таким образом, жанровая нормативность в данном случае уступила место терминологически еще не обозначенной гибридной литературной форме. Возможно, это драма-микс.

Еще одна особенность пьесы состоит в том, что она не структурирована внешне, т. е. не делится на действия, акты, явления, сцены. Она не является также и одноактовой, но читается как цельное произведение, в котором присутствует внутренняя архитектура с экспозицией и эпилогом.

Также следует отметить присутствие в драме жанровых маркеров: ученого Астролога-Звездочета (в тексте – Звездар) и пересмешника Философа-Шута (в тексте – Блазан) – персонажей, соединяющих научно-серьезное и сатирически-юмористическое отношение драматурга к изображаемому. Звездар и Блазан – это, вне всяких сомнений, alter ego автора.

Анализ содержания пьесы. Кем нужно было бы стать Франциску Скорине? Быть может, купцом – наследником отца, или пойти по своей стезе, тернистой, наполненной невзгодами, лишениями, гонениями, непониманием, уничтожающей критикой?!

Ученый и купец-предприниматель-менеджер – это как бедный философ и меценат – «две вещи несовместные», с той разницей, что лишь немногие представители ученого мира могут стать богатыми и знаменитыми за счет прибыли от своих изобретений, а предприниматели всегда имеют доход, который зависит от размаха деятельности и степени «коммерциализации» мозгов. Стать известным и богатым и изменить мир может и необразованный хулиган, как, например, Стив Джобс – компьютерный гений, бывший гендиректором Apple, создатель iPhone, iPad, iPod и других электронных штук. Дислектик, недоучка, он по капле собирал свое состояние: сдавал пустые бутылки, покупал и перепродавал движимость и недвижимость, акции и компании.

А «выкладчыцкая дзейнасць ва ўніверсітэце ніколі не дасць <...> таго, што нясе гандаль», – читаем в пьесе «Мудрости зачало...». Ученый и купец – это как «няўдзячная дарога служэння Радзіме і народу», несовместимая с дорогой личного обогащения ради личного обогащения. Тем не менее, в общественной деятельности Франциска Скорины были «арганічна спалучаны і навуковец, і купец»-менеджер.

Сюжетное ядро драмы И. Штейнера – ситуация, на которой строится действие пьесы и которая диктует расстановку мизансцен и эпизодов, способствующих решению художественной задачи: переосмыслить ценностный пласт из жизни Франциска Скорины с помощью пастиша (пародийно-ироническая имитация разнообразных художественных кодов – манер и стилей, смешиваемых между собой, соединяемых как равноправные [10, с. 75]) – соотношения текста драмы с биографическими источниками. При этом преодолевается однозначность трактовки событий в прошлом, однако происходит не замена «негатива» «позитивом», а рассеивание «твердых» смыслов [10, с. 54].

Все сюжетные (участники «кастинга», «акционеры») и внесюжетные (маркерный конферанс Звездар – Блазан) эпизоды составляют *сквозное действие*, направленное к разрешению *конфликта*, определяющего идейно-художественную значимость драмы. Противоборствующие силы конфликта – столкновение взглядов, жизненных принципов Скорины и обстоятельств, в которых он оказывается волею судьбы.

Пьеса «Мудрости зачало...» как постмодернистское произведение вырастает из хаоса игры – образами, событиями, лексикой и др.; в итоге возникает некий мир, не лишенный, впрочем, ореола сакральности, но парадоксально сочетающий в себе исторические реалии из жизни Франциска Скорины и их переосмысление в иронично-игровом ключе.

Завязка. Итак, чтобы избрать состав акционерного общества «Skargyna & K°», на собрание акционеров приглашены Парацельс, Мартин Лютер, Эразм Роттердамский и Свободный художник – четыре «свидетеля» подвижнической деятельности Скорины, как четыре стороны его личности, как четыре области наук, в которых он прославился.

Основное действие. Парацельс – реформатор в области медицины – предложил Скорине делать деньги на фармакологии: «...прапаную арганізаваць канцэсію на стварэнні серыі аптэк, з дапамогай якіх мы будзем распаўсюджваць лекі» от всех болезней, «нават свінога грыпу». Полилог героев (Парацельс – Шут – Астролог) раскрывает личность Скорины как лекаря, не согласного со многими положениями медицинской доктрины Парацельса и его последователей – современных представителей «ад цэнтраў нетрадыцыйнай медыцыны, таварыства шаптух і знахарак, фірм на рэалізацыі і лізінгу...». С какой радостью Скорина встречал своего первого гостя! Но потом, огорченный его ненаучным предложением, раздраженно сказал: «На сёння камерсантаў, прадпрымальнікаў болей не пускаць, яны могуць спакусіць <...>, бо бляск золата зацьміць любыя вочы».

Лютер – реформатор в области богословия, основатель одной из протестантских конфессий – сделал акцент на духовной линии творчества Скорины: «Кнігі пана <...> прызначаны не для карпаратыўна-царкоўнага карыстання, а пераважна для індывідуальнага чытача». И ему вторит Шут-Йорик: в книгах Скорины «спалучаны народныя і кніжныя традыцыі, уласнае і сусветнае». Лютера и Скорину объединяет одно стремление – «даць сваім народам Слова Божэ на роднай мове». И если Лютер «перакуліў духоўны свет Еўропы: ён стварыў ідэалогію і рэлігію для буржуазіі», то Скорина хотел перевернуть духовный мир славян, но не с помощью некоей новой идеологии или религии – он хотел сделать доступным для простых белорусов духовный мир Библии и христианское отношение ко всему окружающему. Однако первые пробы конфессионального самоопределения Скорины так и остались Лютеру, «як і сотням будучых даследчыкаў <...> спадчыны» Скорины, «незразумелымі да канца». Скорина, на наш взгляд, не был ни православным, ни католиком, ни протестантом, он был просто верующим человеком – просветителем и гуманистом; он стоял «на пазіцыях індывідуальна-гуманістычнага руху» и веротерпимости. Поэтому его и не приняли в Московии, не поняли на Западе. Позднее «Іван Федараў, другі вялікі беларус <...> зразумее

<...> памылку (Скорины. – Т. А.), а таму свае выданні адрасуе царкве для калектыўнага карыстання» в угоду церковным и светским начальникам, по их «образу и подобию». Не значит ли это, что если хочешь быть здоровым, богатым и знаменитым, то лизни руку пана?!.

Парадокс Скорины: будучи фактически «католікам <...>, Францыск Скарына выдаваў канфесіянальныя кнігі для праваслаўных» («канфесіянальныя», видно, в значении «книги протестантского толка?»). Франциск Скорина «імянуўся аб'яднаць хрысціян усіх канфесій» в единую «Церков Христову» – «мати всех христиан».

Многое роднит Мартина и Франциска, но не по душе Скорине менять свои моральные императивы, и на призыв Лютера: «*Пераходзь у наш лагер, я буду чакаць*» – у Скорины нет ответа. Эмоциональное напряжение этой сцены автор пьесы снимает с помощью «врезки» с анекдотами и ироничным диалогом Астролога и Шута.

Эразм из Роттердама – философ, гуманист; «самы аўтарытэтны даследчык і выдавец Святога Пісання <...> выключны філосаф». Только он из всех гостей правильно оценил деятельность Франциска Скорины, сказав, что Скорина «*перш за ўсё філосаф*» и «*ў сваіх "Прадмовах" з дапамогай біблейскіх тэкстаў разважае аб сутнасці чалавека і ягоным жыццёвым прызначэнні*». Эразм констатировал заслуги белорусского просветителя перед Отечеством и Европой и не предлагал Скорине никаких «гешефтов».

Франциск Скорина был не только мыслителем, гуманистом, просветителем, первопечатником, но и художником – он имел звание доктора «вызволённых» наук Краковского университета, а в свободные науки тогда наряду с математикой, философией, музыкой входило и рисование. Последний гость Скорины – Свободный художник из Праги – восхищается гениальностью Скорины, который «*першым сярод славянскіх друкароў зразумеў вартасць мастацкага вобраза ў змесце кнігі*» и пользовался художественной графикой и книжной ксилографией для оформления своих печатных шедевров.

Кульминация. Скорина был автором большинства гравюр в пражских изданиях – задумывал и рисовал их, следил за исполнением в материале и, поставив на них

свою монограмму – изображение соединенных солнца и луны, – свидетельствовал: «*Это – мое!*» [11, с. 10]. Можно отметить, что Скорина – персонаж пьесы – проявил неуважение к Художнику, который вынужден был беседовать с Астрологом и Шутом, так как Скорина ушел из поля зрения читателя вместе с Эразмом Роттердамским: им, очевидно, было о чем поговорить, а рисование – это просто хобби гениального человека, который гениален во всем. Этот кульминационный момент, который совершается без участия Скорины – символический момент домысливания.

Развязка. В пьесе нет того, что обычно называют развязкой. После кульминации наступает непосредственно эпилог, в котором Шут и Астролог подводят итог интеллектуальному «кастингу» высказываний гостей, выступавших на собрании «акционеров», суммируют все мнения о Франциске Скорине, и приходят к неутешительному выводу: «*Няма прарока на сваім сметніку. Для беларусаў ніколі не будзе*».

Немало сделал просветитель для своего народа, но белорусы на долгое время забыли о нем (как оказалось, на многие столетия: еще в 30-е годы XX века Скорину считали «мракобесом», а в 1967-м он уже «являлся одним из передовых людей своего времени, ставивших перед собой задачу просвещать народ, дать землякам свои основы научных знаний»). Теперь редко кто вспомнит, что деятельность Ф. Скорины способствовала формированию белорусского литературного языка. Он так ратовал за белорусскую литературную мову для «*людцаў наспалітых*», но к чему «*тая мова, якая вымрэ ў XXI стагоддзі, а на яе рэдкіх носьбітаў будуць глядзець, як на іншапланецянаў?* <...> *Навошта даваць надзею?*» Но без Скорины, возможно, не было бы и Беларуси в современном ее статусе, «*не было бы народа, нашай дзяржавы, нашай культуры <...>, якою трэба ганарыцца, а не саромецца*». Вряд ли стоит комментировать это слова, которыми можно было бы и закончить краткий рассказ о том, как при жизни не принятый «своими» белорус-прозападник Франциск Скорина и спустя столетия остается загадочным и непонятным большинству тех, кому нес грамоту и Благую Весть.

Финал как структурный элемент драмы не обязательно предполагает завершенность событий драматического действия. Такой эффект «незавершенности» развязки обусловлен идейно-художественной концепцией пьесы, когда ее смысловой центр переносится с факта события на отношение к произошедшему, т. е. развязка приобретает особое смысловое значение, додумывать которое предоставляется зрителю или читателю.

Поэтика пьесы (идейно-художественная концепция). В текст пьесы проникают симулякры, которые отсылают читателя/зрителя к известным элементам культурного интертекста; иногда вкрапляется поэтически-метафорическая речь с многообразными оттенками значений. Представленный в драме слой цитаций отсылает восприятие в далекие уголки памяти, которая выводит из мемориального полузабвения образы из античных мифов, Библии, афоризмы исторических деятелей, художников слова; автор использует пословицы, поговорки, латинские крылатые выражения, политические лозунги прошлого. Все эти речевые образы соединены между собой иногда самым неожиданным образом, способствуя ироничному восприятию текста.

Так, в пьесе много острых моментов, много смелых высказываний автора, в частности о Западе и нашей толерантности («у цэлым мы вельмі прыхільна сустракаем чужынцаў»), о ЕС («як і ва ўсе часы, не вельмі шануюць нас у той Еўропе <...> мы ў тым ЕС нікому зусім не патрэбны...»), о современной фармакологии («калі хваробы няма, то гэта не так істотна: было б лякарства, а хваробу мы прыдумаем»). Иван Штейнер делает акцент на образовании, проводит параллели, упоминает актуальную на тот момент тему Болонского процесса, приводит реминисценцию высказывания В. Короткевича о том, что «на нашай зямлі заўсёды дрэнна жывуць вучоныя».

Ум, знания, известность, респект и уважение в веках. Казалось бы, чего еще желать? Но судьба человека чаще всего зависит от «свіней, аслоў, малпаў»: «...як высока ты ні ўзятаеш, заўсёды кінецца пад ногі свіння – і ты ўжо на зямлі». И таких завистников в жизни Скорины (как, впрочем, и у любой выдающейся личности) было немало...

«Закадровый» персонаж. Информационно-исторические «врезки» автор пьесы предоставил бесстрастному голосу истории – Голосу за кадром, выполняющему роль авторских ремарок-пояснений, подобно Хору – неотъемлемому персонажу древнегреческих трагедий. Голос-Хор уточняет некоторые высказывания героев и т. д.

Мудрый Скорина давно понял, что нет пророка в собственном Отечестве, и за те добрые деяния, которые совершил для Родины, в ответ получил только непонимание, суды и безденежье. И нет тебе ни славы, ни уважения [12, с. 41].

«Дык хто ж ён такі? Дурань? Святы?» Этот риторический вопрос в конце пьесы как бы приглашает к дальнейшему диалогу с историей, к исследованию, осмыслению и переосмыслению. Решению этого вопроса подчинено все повествование: имея возможность быть богатым и знаменитым, Скорина выбрал путь неприбыльный и опасный для жизни, уподобившись библейскому Иову.

Заключение. В отечественной Скориане каждый из драматургов представил свою трактовку событий из жизни и общественной деятельности известного белорусского просветителя, сделав попытку заполнить пробелы в гуманитарном образовании современников. При внешне различных, временами противоположных подходах к образу Скорины драматурги сумели передать масштабность его личности, значение его просветительской и первопечатнической деятельности, обеспокоенность судьбой Отечества, белорусского народа и родного языка.

Алесь Петрашкевич создал монументальный образ своего героя. Особое место в пьесе «Прарок для Айчыны» занимает призыв Скорины относиться уважительно к белорусскому языку, признать его равноправное положение наряду с другими европейскими языками.

Георгий Марчук в драме «Кракаўскі студэнт», в некоторых деталях идеализируя Скорину, сконцентрировался на становлении характера будущего просветителя, на его взаимоотношениях с родственниками и с простыми полочанами (купцами, «рукодельными людьми», беглыми, юридическими, обычными монахами), показал несхожесть

интересов, стремлений Георгия в сравнении с этими людьми. Кроме того, в пьесе характер Георгия проходит испытание любовью, юношеской дружбой, отцовским домом.

Андрей Курейчик вынес на суд читателя в основном особенности личной жизни просветителя, в которой были и супружеская неверность Скорины, и несчастная любовь с трагическим финалом, а также чопорная королевская семья, «братки», требующие оплатить «налоги», старость великого человека с «опухолью в животе» и внезапное, как в бразильском сериале, «чудесное» появление ребенка, живого, уже взрослого и при должности – вот идейно-художественная концепция пьесы, имеющая, как бы то ни было, право на жизнь.

Нет пророка в собственном Отечестве. Как все это похоже на жизненные претензии самого автора пьесы – Андрея Курейчика, не понятого на Родине, но востребованного в России. Возможно, именно собственные терзания непризнанного таланта и подвигли автора на создание этой драмы, в которой так много параллелей. Становится понятной и лексика наезда крышующих «братков», и творческая зависимость от самозванных цензоров, и московская хандра создателя комедии «Скорина».

Иван Штейнер создал уникальную пьесу экспериментального характера, показывающую, как в союзе с наукой литература усиливает свой интеллектуальный потенциал, формируя новые параметры осознания культурного контента. В постмодернистской культуре происходит стирание границ между высокой литературой и маскультом, перемешиваются чужеродные, часто казалось бы несоединимые вещи. Этот прием явлен и в пьесе «Мудрости зачало и конець...», або Спакушэнне Скарыны», которая представляет собой попытку разгадать интеллектуальный код самого Франциска Скорины [9, с. 6]. Финал пьесы приглашает читателя-исследователя к дальнейшему диалогу с историей литературы, к новому ее осмыслению, ведь современное искусство не заключено в жесткие рамки классиче-

ских кононов – оно развивается, раздвигая горизонты привычного.

Франциск Скорина. Кто он для нас сегодня? Его имя знают все, но книг его почти никто не читал. Специалисты-скориноведы спорят о его двойном имени – Франтишек или Георгий? Его почитают не только белорусы, но и чехи и литовцы – народы, в культуре которых он оставил свой след. О нем написано немало, но известно немного, да и то узкому кругу научных сотрудников. Почему же не восполнить эти «белые пятна» в образовании современников средствами художественного слова, предполагая, как известно, авторский вымысел и домыслы читателей. И неважно, что неискушенный, массовый читатель поверит писательскому воображению и нарисует себе свой образ славянского просветителя и первопечатника Франциска Скорины. И – как знать? – возможно, КОД Скорины кому-нибудь удастся разгадать...

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь. Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М.: Изд-во Экспо, 2004. – 592 с.
2. Лойка, А. А. Старобеларуская літаратура: падручнік / А. А. Лойка. – Мінск: Выш. шк., 2001. – 319 с.
3. Лаўшук, С. С. Станаўленне беларускай савецкай драматургіі (20-я – пач. 30-х гг.) / С. С. Лаўшук. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 192 с.
4. Петрашкевіч, А. Л. Прарок для Айчыны / А. Л. Петрашкевіч // Воля на крыжы: гіст. п'есы. – Мінск: Маст. літ., 2000. – С. 161–212.
5. Марчук, Г. І. Кракаўскі студэнт. Драма / Г. І. Марчук // Маладосць. 2003. – № 3–4.
6. Васючэнка, П. Сучасная беларуская драматургія: дапам. для настаўнікаў / П. Васючэнка. – Мінск: Маст. літ., 2000.
7. Арлоў, Ул. А. Таямніцы Полацкай гісторыі / Ул. А. Арлоў. – Мінск: Полымя, 2002. – 464 с.
8. <http://www.kurejchik.rj.pesi / Skorina.doc>
9. Штэйнер, І. Ф. «Мудрости зачало и конець...», або Спакушэнне Скарыны: п'еса / І. Штэйнер; прадмова П. В. Васючэнка; літаратуразнаўцы аб творы: артыкулы Т. В. Аўдонінай, І. В. Жука. – Гомель: Барк, 2012. – 74 с.
10. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – СПб.: Невский Простор, 2001. – 416 с.
11. Белоусов, О. «Пильность его применять малеваніе...» / О. Белоусов // СБ. – 2003. – 26 июля.
12. Андрэявец, Р. Жыццё Францыска Скарыны / Р. Андрэявец. – Гомель: РПУП «Полеспечать», 2004. – 76 с.

Поступила в редакцию 14.06.2013 г.